

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛЕГЕНДА ПРО ИВАНА ПУШКИНА

**СЕДЬМОЕ
НЕБО
В РАССРОЧКУ**

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ,
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Лариса Соболева

Седьмое небо в рассрочку

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691386

*Соболева Лариса Седьмое небо в рассрочку: [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079449-2*

Аннотация

История двадцатилетней давности безжалостно вторгается в относительно благополучную жизнь героев. Ксения и Шатунов знакомы с давних пор, и их связывает не одна тайна. Встретившись когда-то, они оказались друг для друга судьбой. И вот теперь Ксении грозит опасность – она слишком близко подобралась к раскрытию давнишнего преступления. Но кому-то это очень не нравится. Шатунов пытается спасти ее, но опаздывает, сам едва не попадает в западню и понимает, что их... заказали. Он пытается выяснить, кто за этим стоит, чтобы отомстить за смерть Ксении. Но... там, где настоящее переплетается с прошлым, возможны неожиданные повороты судьбы...

Содержание

Часть первая	4
1	4
Простой такой парень	8
2	10
Святая к женщинам любовь	11
3	16
4	22
5	28
Часть вторая	37
1	37
Звезда его очей	38
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лариса Соболева

Седьмое небо в рассрочку

Часть первая

Ночь длиннее века

1

Из динамиков негромко раздавались оперные голоса. В трудные минуты, которыми так богата наша жизнь, Шатунов слушал великих классиков, и эту его причуду уже никто из окружения не воспринимал ни сдвигом по фазе, ни показухой. Сейчас как раз один из нелегких моментов, только он этого не показывал – еще чего! Не сводя рентгеновских глаз с дочери, Шатунов отпил пару глотков фруктового сока, потом без красок в интонации, идя вдоль бильярдного стола и отыскивая удачный шар, сказал:

– Назови хотя бы одну причину, по которой твоя идея должна стать моей.

– Возраст, папа, возраст.

Если б не знать Шатунова, а только слышать фразу дочери и ее тон, то по вложенному смыслу можно подумать, будто папа – ржавый гвоздь из сломанной телеги. А это далеко не так. Он не развалина, отнюдь. Насмешливо покосившись на Сабрину, Шатунов неторопливо отпил сока, поставил высокий стакан на зеленое сукно и ласково промурлыкал:

– Бабы, с которыми я сплю, младше тебя, доченька.

Ах, ах... Он оскорбил слух двадцативосьмилетней девочки, что стало заметно по сведенным к переносице бровям на ее чистом челе весталки и гадливому выражению. Как же, как же – бабы... младше... секс... Папа и секс – понятия, не совместимые в ее представлении. Деньги и он – нормально, но не секс, нет. Это просто курам на смех. С провокационной усмешкой Шатунов ждал, какой выдаст контраргумент его благоразумная дочь.

– Пора думать о здоровье, – внушала ему Сабрина, – ты забываешь, что уже немолод. Папа, тебе пятьдесят три! Это сложный возраст. К тому же твоя комплекция, извини, располагает к покою и уравновешенному быту, а не к состязаниям в спальне.

Неужто дочь собирается уравновесить его быт, наложив запрет на состязания в спальне? Да-а, девочка совсем потеряла чувство меры, а ежели по-простому – обнаглела. Сказались пять лет без отцовского глаза, когда некому было втолковать ей, что рот открывать стоит только в одном случае: предварительно хорошенько подумав. Но пора отставить шутки в сторону, надоело.

– Тебя мать прислала? – кинул он прямой наводкой вопрос.

– Я по собственной инициативе, – выгородила Сабрина родительницу с поспешностью, которая продала ее с головой. Она это поняла, попыталась исправить оплошность: – С мамой я предварительно провела работу, она не против... то есть... в принципе согласна... так что слово за тобой.

А он готов был принять на грудь спесивое чадо, тем самым внести потепление в их отношения! Не случилось. И уже, наверное, не случится никогда. Она же солгала. Это явственно читалось в глубине ее зрачков, в которых, как в воронке, крутился водоворот немереных желаний. Благодаря природной интуиции, а также наблюдательности, Шатунов научился распознавать правду от неправды.

– Не поздновато ли твоя мама решила ко мне вернуться?

– Ничего, люди женятся, расходятся, снова сходятся, – по-житейски здраво рассудила Сабрина. – Неужели ты еще не понял, что лучше никого не найдешь?

– Стоп, стоп, дорогая, – снисходительно улыбнулся он. – Говоришь так, будто я ее бросил...

– Ты. (А куда ей отступать?) Ведь ты ушел от нас.

Это один из неновых приемов подчинить – навесить комплекс вины и при любом удобном случае напоминать о нем, закрепляя успех. А Шатунов в процессе жизни выработал стойкий иммунитет к манипуляторам, потому не поддавался на провокацию.

– Доля истины в твоих словах есть, но доля, – сказал он и ударил кием по шару. – К тому же такая маленькая, что без лупы ее не разглядишь. Я вынужден был уйти! Между прочим, ушел в одном костюме. Спортивном. Без чемодана – да. Все оставил, как она хотела.

– Тебе показалось, будто она этого хотела. В каждой семье бывают взрывоопасные периоды, люди находят компромиссы...

– Н-да, показалось, – хохотнул он, целясь в шар. – Поэтому твоя мать за двадцать лет не нашла времени объяснить, что же именно мне показалось, а спокойно прожила это время с другими мужиками. Сколько у нее их было? Десять? Двадцать? Или ты не считала?

Он выпрямился и в упор рассматривал Сабрину, будто искал новые черты. Это так, искал. Его дочь от первого (законного) и, по воле судьбы, последнего брака не виделась с родителем пять лет! Не звонила, не передавала приветов пять лет! Всему виной кровная обида: папа обласкивал сводного брата, безмерно баловал мальчика, тогда как на ее долю выпали строгости с ограничениями. Однажды она прямо заявила о своем праве на первенство, мол, я твоя законная дочь, где обо мне забота, где стройка века – мое будущее? Папа не опустил до напоминаний, что оставил ее маме дом, в котором смело можно строить будущее обеим, что алименты давно выплатил, а деньгами снабжал регулярно... Много нашлось бы возражений, да Сабрина не стала слушать, отбарабанила каблуками к выходу. Надеялась воспитать отца, лишив его смысла жизни – общения с собой. И целых пять лет не показывалась! Ну и выдержка у нее... отцовская, надо признать!

Итак, ее мамочка не рассчитала, до каких высот взлетит Ленька. Теперь бывший муж бездумно тратит свои миллионы, тогда как она могла бы помочь их сберечь, взяв под контроль дурака Ленчика, его банковские счета, предприятия, дом. И доченьке не терпится положить когтистую ручку (ногти у Сабрины длиннее пальцев!) на папины бабки или хотя бы помочь потратить с выгодой для себя. В общем, это заговор двух когда-то любимых им женщин. Неожиданно для дочери он повернул диалог в обратную сторону:

– Почему ты до сих пор не замужем?

– Что? – потерялась она.

– Замуж почему не вышла? – перефразировал вопрос отец. – Двадцать восемь лет, умная, образованная, красивая. Ну, красотой ты в мать, тут уж я не претендую на первенство. Так почему ты не замужем?

Да, она в мать: те же пышные белые волосы волнистым водопадом падают до лопаток, та же шея, плавно переходящая в плечи, тонкая талия, выступающая грудь и личико красотки из модного журнала. Нет, Сабрина красивей, она же еще и дочь, а дети видятся родителям почти небожителями.

– При чем здесь я, когда речь идет о вас с мамой? – с упорством маньяка гнула она свою линию. – Вы мне оба не чужие, оба дороги, я бы хотела видеть вас вместе.

«Я, мне, хочу...» – сколько любви к себе в одном коротком предложении! Шатунов уложил кий на бильярдный стол, накинул на плечи пиджак и, ничего не сказав, двинул вниз по лестнице. Сабрина некоторое время стояла в раздумье, но, опомнившись, побежала за ним, уже неуверенно лопоча доводы:

– Понимаю, мое предложение как снег на голову, но ты подумай. Одному встречать старость – а она не за горами – малоприятное занятие. Тем более ты сам сказал: мама была красива... Она и сейчас красивая, больше тридцати девяти ей не дают, а с эффектной женщиной не стыдно показаться где угодно...

Шатунов поднял плечи к ушам, что означало: почему я должен слушать ахинею? Чтоб угодить дочери и вновь ее не потерять? А он ею дорожит?

– Сколько тебе дать денег, чтоб больше не слышать ни звука о твоей маме? – бросил через плечо Шатунов.

– Нисколько.

Конечно, ее не устраивает слово «сколько», ограничивающее желания, следовательно, урезающее возможности! Ей нужно все – это очевидно.

Шатунов развернулся. За долгую и, надо сказать, весьма нелегкую жизнь он научился говорить слово «нет» в категоричной форме. И научился выметать из своего бунгало всех, кому мечтается сделать из него марионетку.

– Запомни, детка: чтобы что-то получить, нужно заработать... – начал преподавать запоздалый урок дочери-свахе Шатунов.

Он собирался высказать все, что думал по поводу идиотской затеи, а также самой Сабрины и, главное(!) – ее неподражаемой мамочки, но! Раздался звонок. Первые трели – и Шатунов мгновенно забыл, в каком измерении находится, где пол, а где потолок.

Эта мелодия стоит на единственном номере, ее он ждал всегда: во сне, наяву, утром, днем, среди ночи. Засыпал и надеялся: вдруг позвонит. Нет звонка? Огорчение сменялось надеждой: может, завтра... или послезавтра... ну, через неделю обязательно... И так много-много дней, месяцев, лет. Имени как такового нет в адресной книжке телефона, оно обозначено одной латинской буквой – Z, то есть зеро. А зеро означает... правильно, ноль. В этом есть особый смысл.

Шатунов вынул из кармана мобильник, а как при этом запрыгало сердце! Сглотнув, он сказал в трубку:

– Слушаю. – И замер, боясь не расслышать или пропустить хотя бы слово. Да что слово! Малейший оттенок в интонации не хотел пропустить и не пропускал, угадывая настроение на другом конце провода.

– Ленька, это я...

Присутствие дочери мешало ему говорить, сдерживало, это та часть его жизни, которой он не хотел делиться ни с кем. Но Сабрина и не подумала уйти, хотя он взглядом требовал: да уберись же ты отсюда!

Перемены в папе, произошедшие за миг, равный по длительности вспышке молнии, не могли не заинтриговать дочь, в глазах которой пульсировал вопрос: кто посмел перейти нам с мамой дорогу? Увы, женщина женщину чует за много километров. Казалось, и ушки Сабрины активно зашевелились, ловя сигналы из трубки, что вынудило Шатунова сказать в мобильник с минимальной холодностью, но это исключительно для дочери:

– Я слушаю тебя.

– Ленька...

Неужели всхлипнула?! Странно, странно. Шатунов видел ее слезы всего раз в жизни, это было давно, иногда казалось, тогда они привиделись. Но не об этом надо думать. Она всхлипнула! – значит, случилась беда, по-другому быть не может. Да, что-то не так. Обычно она четко, без вступления говорит, где и когда...

А как в груди-то заныло! И нечто напряженное перелетело расстояние, передалось через трубку Шатунову, рассеяв надежды на скорое, пусть короткое, как это обычно случалось, свидание. Он забеспокоился и, никогда ранее не называя ее имени во время диалогов по телефону, вдруг крикнул в трубку:

– Ксюша! Ксюша, что там у тебя? Что?!

– Не кричи, – тихо сказала она, хлюпая носом. – Я звоню тебе... потому что... мне...

Снова: хлюп-хлюп. Шатунов терял терпение:

– Ну!

– Потому что мне сейчас страшно, Ленька... – выпалила она срывающимся шепотом. – Очень-очень страшно...

– Страшно? Почему? Что тебя напугало?

– Эти люди... я их видела...

Шатунова подстегнули интонации, слезы, сиюминутный ужас, который она пережила, но который проник в него и осел где-то в паху. Он чувствовал эту женщину, как самое себя, даже если б их разделял океан или космическое пространство, Шатунов, как антенна, принимал бы радиоволны, исходящие от нее. Он рванул по лестнице вниз, уверенный, что там, где она сейчас находится, дела плохи, а значит, ему немедленно нужно к ней. Но где она, что конкретно случилось?

– Какие люди, Ксюша? Кто они?

– Кто? А я знаю! Но знаю, зачем пришли... За мной... И мне... страшно...

К этой минуте он был уже внизу, машинально начал надевать пиджак, да никак не попадал в рукав. И сердце прыгало не в такт. Тоже от страха. Интуитивно он угадал наступающие перемены, которые относят к крупным минусам. Шатунов готов сделать все, от него зависящее, чтоб отвести любое бедствие от Ксении. И, еще не зная, в чем должна заключаться помощь, он завертелся на месте в поисках решения, словно оно должно находиться под ногами: на полу, на стуле... где-нибудь рядом! Подсказка обязательно есть, нужно только увидеть ее.

Ксения плакала. Тихо, без истерии плакала.

Рука так и не попала в рукав пиджака! В сердцах Шатунов отбросил его в сторону, без него же удобней. А сколько ненужного в этот миг носилось в голове! Ненужного, мешающего принять решение, ведь что-то надо сделать немедленно. Заметив в кресле водителя, он судорожно прищелкнул пальцами, привлекая его внимание, и коротко бросил:

– Внедорожник подай!

– Зачем? – как будто очнулась Ксения, тем не менее ее голос остался тусклым. – Это глупо. Сам знаешь, что не успеешь. Ленька, у нас есть несколько минут, пока они доберутся... не стоит их тратить... Поговори со мной... Пожалуйста, поговори!

– Конечно, конечно... Ксюша...

Взглянув на часы – стрелки показывали тридцать восемь минут двенадцатого, – Шатунов побежал в кабинет, перескакивая через три ступеньки. Он ни на секунду не усомнился в ее словах, хотя толком она ничего не рассказала, но разве обязательно нужно говорить? Опасность улавливается подсознанием, в такие моменты каждым нервом, каждой клеткой чувствуется тот час, за которым не остается ничего...

И как перед ликом смерти, перед глазами Шатунова, видевшими сейчас все ничтожные мелочи: коридоры, ступеньки, дверные ручки, след от гвоздя на стене, который не успели закамуфлировать, – параллельно отчетливо неслась его жизнь. Он видел себя со стороны только заново и в ускоренном темпе. Миллион раз об этом слышал, а впервые испытал на себе, хотя не раз Косая прохиндейка подбиралась к нему и скалилась, протягивая костлявые щупальца, дескать, дай я тебя обниму. А он удачно выворачивался из ее смертельных захватов, все равно было не до ностальгических воспоминаний. Но может быть, тогда не настал час, которого ждут и боятся все? А что такое Ксения? Часть его самого. Без нее все закончится и для Шатунова, значит, это и его час...

Простой такой парень

Кто уж там распоряжается людьми – неизвестно, но Ленчику хотелось, чтоб тот могущественный властелин был более справедливым и щедрым. Одним он дарит фигуры с физиономиями – залюбуешься, других, как Шатунова, сотворил из вторсырья, по остаточному принципу, обтесав кое-как затупившимся топором. От предков по наследству ему не досталось ни исполинского роста, ни фигуры, ни обворожительной рожницы, ни даже талантов, да и денег в карманы родители не насыпали. Короче, Ленка маленько бракованным получился.

И что же делать личностям ниже среднего уровня в этом привлекательном мире, где соблазнов больше, чем звезд на небе? Никто не знает, нет? А он догадался: только стать первым во всем! Обходить тех, кому сама природа выстелила дорожку к славе, почету, уважению и богатству. На это нужны силы, извилины под черепашкой и маниакальная жажда изменить себя, соответственно выпрыгнуть из того круга, в который толкнула судьба с рождения.

Итак, закончив девять классов на стабильные отметки – тройки, он успешно поступил в ГПТУ. Были, были такие заведения, в народе аббревиатура расшифровывалась нелестно: Господи, Помогите Тупому Устроиться. Разумеется, контингент учащихся – сплошь из неблагополучных семей и светила им в жизни одна на всех дохленькая звездочка. Не составляло труда представить основные вехи: однообразная работа от зари до зари, женитьба на такой же девахе из гэпэтэушниц, затем дети-внуки, далее пенсия, в лучшем случае с пятью сотками огорода, который назывался престижным словом «дача». И паши на ней, пока копыта не откинешь, излишки тащи на рынок.

А Ленке хотелось летать повыше. С интеллектом у него был порядок: он умел поддерживать разговор – радио-то слушал, когда заглывал завтрак, да и телик смотрел. Между прочим, со школы помнил того же Гоголя с Толстым и чего они от скуки настрочили; читать – не читал, но названия книг и примерное содержание знал, нынешние школьники и этим похвастать не могут. И хотя имел более-менее подвешенный язык, Ленчик понимал, что маловато оснащен, а побед жаждал, в первую очередь над женским полом. Разумеется, не гэпэтэушницы его привлекали, свои легко доставались, потому не ценились, к тому же мало в них было интереса: койка да выпивка, еще танцульки, вместо мозгов у них там прическа.

Не-ет, Ленка присматривался к настоящим девчонкам – красивым, умным, образованным, правильным, одевающимся не в кричащие тряпки. Но с его воспитанием, в котором принимали участие любимые родственники, знающие всего два языка – матерный и немного русский, а истину рождали не в спорах – исключительно на кулаках, далеко не уедешь. Однако в распоряжении Леонида наличествовали те самые извилины, которых очень многим не хватает, потому он задумался: что и как в себе поменять?

Первое – одежду. Нет, ну, правда: встречают-то по одежке. Просить денег у предков бесполезно – им неоткуда взять, вечно занимали трешку до зарплаты, значит, следовало зарабатывать. Отпахал Ленчик грузчиком пару недель и решил, что данная стезя для совсем конченных, здоровье только угробишь, заодно отупеешь, а денег как не было, так и не будет.

Пронырливый паренек изрядно попотел, прежде чем влиться в ряды тогдашних коммерсантов под общей подпольной фирмой – фарцовщики. Спекулянтов гоняла милиция люто, но риск оправдывал себя, Ленчик поправил материальное положение, прибарахлился, напаялив сплошной импорт, и... на юношу стали поглядывать с любопытством девочки из его грез! Это несмотря на коренастую и непропорциональную фигуру (хотя со спортом он дружил, имел приличные бицепсы), несмотря на средненький рост и лицо бульдога, скрещенного с дворянкой бездомной стаи. Стоп, стоп! Бульдог – псина породистая, стало быть,

дело не в красоте. А секрет прост: чувак, способный содержать себя на уровне дипломата, вызывал уважение.

Однако следовало каким-то образом и обкультуриться. Когда его заносило (от рождения он темпераментный и взрывной), Леонид вовсе не соответствовал шикарному джинсовому костюмчику и дубленке с пыжиковой шапкой. Из него во всей красе лезла Погореловка – район в городе, сравнимый разве что с зоной.

Познакомили Леньку с бабкой, она шарила «в поведении на людях» и много открыла тайн. К примеру, научила пользоваться ножом во время еды, не жрать, а кушать, не ковырять спичкой в зубах, когда другие едят, что делать с салфетками и т. д. Конечно, Ленчик сообразил бы, как одновременно орудовать ножом с вилкой, понаблюдав за другими, но времени ушло б много, к тому же неудобно, если вокруг едят, а ты сидишь и по сторонам зыришь. В общем, нахватавшись азов за десяток уроков, он решил: хватит, дальше соображать буду по ходу концерта.

И что же? Вроде и с культурой стало нормально, а девчонки после второй-третьей свиданки потухали да мягко эдак намекали, что в дальнейшем будут заняты до глубокой старости. Не понимал Ленчик, что им не так, чего им надо? Безусловно, злился, а как иначе?

Но однажды случайно услышал мнение о себе от очередной кандидатки в подружки. Она дала ему от ворот поворот не напрямую, конечно, но он понял. И пошел. Да вспомнил, что забыл на подоконнике в музыкальном классе шапку с кожаными перчатками – девочка училась не где-нибудь, а в музыкальном училище! Ленчик вернулся, приоткрыл дверь и услышал, как ее однокурсница спросила:

– Что это за тип был?

– Быдло, – коротко ответила та.

Слово емкое и знакомое, главное, с собой у Ленчика не ассоциировалось. Обидное слово. За него недолго и по морде схлопотать, как и за вопрос: «Что это за тип?» Что, а не кто! И совсем уничижительно ударило по ушам «это». Будто Ленька ни то ни се, неодушевленный предмет. Следовало бы обеим... Но он, извинившись, гордо вошел в класс, забрал шапку с перчатками и отчалил. Как давно это было...

2

А в настоящем Шатунов быстро и нервно выдвигал ящики бюро, шарил рукой внутри, чертыхался, одновременно говорил в трубку:

– Ты где?.. Ксюша, скажи, где ты сейчас?

– Ну, скажу, и что? – вымолвила она дрожащим полусшепотом. – В загородном доме, как видишь, далеко. Убежала на третий этаж, оттягиваю свою смерть. Глупо... Все в этой жизни у меня получилось глупо. Жаль!

И неудачно в данном контексте хохотнула, после мизерной паузы она шмыгнула носом, вздохнула. А Шатунов перебирал варианты срочной помощи. В голову ничего не пришло, кроме дурацкого упрека:

– Надо было сразу в ментовку звонить!

– Полиция далеко, а эти близко. Они так близко, Ленька, что у меня шевелятся волосы. Лучше последние минуты я с тобой... потреплюсь. Должна же я сказать тебе...

– Есть еще, где спрятаться? – перебил Шатунов, понимая, что третий этаж – не потайная комната, где можно переждать нашествие. – Надо немного потянуть время, я все же попробую...

– Приехать? – прошипела она, а через секунду взяла тон командующего армией во время боевых действий, притом не повысив голоса: – Не смей этого делать! Не смей!

– Дура.

Только в четвертом ящике он нашел пистолет, а то уж думал, его стащили. Рядом кто-то глухо вскрикнул, Шатунов вскинулся, а, это его дочь с испуганными глазами, глядевшими на пистолет, пытается что-то сказать.

– Хочешь, чтоб и тебе досталось? – тем временем огрызнулась Ксения в трубке. Это в ее характере: чуть что – огрызается, и смертельная обстановка не помеха.

– Ты еще здесь? – рявкнул он Сабрине, сунув пистолет за пояс. – Мне не до тебя!.. Ксюша, это я дочери... Так...

Шатунов потер лоб, остановившись, будто сороконожка, вычисляющая, с какой ноги следует делать главный шаг, чтоб не запутаться.

– Может, это грабители? – блеснула в его сознании надежда.

Грабители не столь опасны. Они не полезут в дом, где есть люди. А уж убийцы среди них – скорее досадное исключение, чем правило. Впрочем, нынешние преступники не особо соблюдают свой профкодекс, но надежда... Надежда слаще конфеты.

– Поэтому в масках и крадутся, как рыси по веткам? – возразила Ксения. – Нет, Ленька, я сразу поняла... кожей почувствовала...

– Да что ты могла в темноте разглядеть?

Он бежал вниз, держась за грудь ладонью, как будто страхуя собственное тело от разрывов. Потому что там, внутри, сердце барабанило, вырываясь наружу, там все клокотало и вибрировало. Шатунов неожиданно услышал тон сдавшегося человека, хотя всего секунду назад она была той, которую он знал давно:

– На нашей даче светлей, чем на главной улице города в это время суток. Я видела трех человек. Случайно заметила. Это как кино про ниндзя... Помнишь, смотрели с тобой штук пять подряд?

– Помню, я все помню, – подхватил он. Сейчас главное – отвлечь ее от подавляющего ужаса, пробудить в ней желание сопротивляться, стало быть, заставить подумать, как спастись.

– Мы хохотали... а сейчас не смешно. Люди в черном перебегают от дерева к дереву, окружая дом... таятся... не спешат. На помощь звать некого, я одна в нашем поселении...

Представь, побоялась выйти из дома с другой стороны, вдруг и там три-четыре ниндзя? Я попала б им прямо в лапы и уже не говорила бы с тобой. Ленчик...

– Ты спрячешься, Ксения?

– Куда? На крышу? Не вылезу туда.

– Ну куда-нибудь! – взревел Шатунов, преодолевая дорожку от дома к воротам, где стоял джип. – Придумай, черт возьми!

– Ленька, я в ловушке. Не знаю, как это получилось, но... сама себя сюда загнала.

Он бегло глянул на циферблат часов, а прошло три минуты, всего три!

– Ты только продержись, забаррикадируйся... – внушал Шатунов. – Ствол у тебя есть?

– Есть... По дороге захватила...

– Если что – стреляй.

– А ты думал, я им отдамся? Не-ет, одной туда уходить неохота, в компании... приятней...

– Вот и хорошо. Стреляй, не бойся, я тебя от всех отмажу... Только продержись, скоро буду... Уже еду...

Сидевший за рулем водитель толкнул дверцу со стороны пассажира, догадавшись, что для шефа сейчас каждая секунда дорога...

Святая к женщинам любовь

Теоретически после психологической травмы юнцы становятся в позу женоненавистника и с упорной жестокостью мстят женскому полу за унижения, мстят, пока не надоест. Но теория с практикой редко стыкуются. Как отомстить, если ты не герой сентиментальных романов?

Ленчик собрал свои разнокалиберные шарики в лобную полость и заставил их анализировать: в чем дело, почему он быдло? Не вызывало сомнений, что и до привередливой музыкантши девчонки по той же причине отказывались от него. Причина-то понятна, а ее суть – нет. Подсказать было некому, понаблюдать не за кем.

Но он находчивый, подобрал обучающую программу – заграничные киношки, которые смотрел по видуку ночи напролет. За эти просмотры, если б пронюхали органы, тюрьмой обеспечили б на долгие годы, но где ж еще было узнать мир? Не тот, который понарошку, – его навязывали повсюду, он вызывал нездоровую отрывку, а потайной, мир человеческих тайн? О нем ни в школе не преподавали, ни дома не рассказывали. Дом вообще не стоило б упоминать, Ленька мечтал от него отпрыгнуть на самую длинную дистанцию.

В конечном итоге усилия оказались напрасными, ответов на поставленные вопросы не получил, зато неплохо развлекся, ведь жизнь была скудна и бедна во всех отношениях. Заодно Ленчик усвоил, что женщины обожают силу, эту мысль подтверждали соседи: он напьется и лупит ее от всей пьяной души, она потом сидит с матерью на кухне и ревет в голос: «Люблю я его, гада-а-а!» Да и мать с отцом как зальют за воротник (а заливали частенько), так разборки устраивают, но после мордобития милуются, и трудно найти более гармоничную пару. Стиль жизни у них был такой, Леньке он не подходил, хотелось чего-то красочного. А какие краски в пьянках, разборках и похмелье? Кулаки нужно держать в карманах, а силу загонять внутрь, при всем при том женщина должна знать, чувствовать: чуть что – получит. Еще Ленчик подметил: слабый пол обожает внимание в виде подарков, цветов, походов в кинотеатры, вывод в большей степени он сделал из личного небогатого опыта.

На том этапе познание себя и непонятных длинноволосых сущностей в юбках закончилось, так как, образно говоря, его позвала труба. А труба зовет – собирай вещмешок, натягивай кирзовые сапоги с гимнастеркой и два года, будь любезен, отпаши бесплатно в стройбате

– именно там служил Ленчик. Что два года тюрьмы, что армия – одно и то же, только в первом случае залетают за преступления, во втором – за то, что родился пацаном. Но двухлетний армейский срок оказался отличной школой, там быстро выросли, повзрослел и Ленька, многому научился, многое понял, вернулся мужчиной в полном смысле.

Не расслаблялся, сразу на завод двинул, закатал рукава... Вскоре понял: не то. Скучно, бесперспективно, отпашешь лет пятнадцать, тогда, может быть(!), квартиру получишь. Да Ленчик на заре лохматой юности фарцой и то больше зашибал.

Кинул он завод и устроился кочегаром: сутки дежурит, двое-трое отдыхает – а это драгоценное время, которое тратилось на добычу денег, действительно больших денег. Нет, Шатунов не бросился махать ножом и пистолетом, в те времена об этом страшно было подумать, он вооружился до зубов значительно позже.

Ему прочистили канал в Астрахани, на своем горбу Леха Шатун таскал по двадцать кг, а то и по четверти центнера «грязи» – черной икры на браконьерском жаргоне. Бизнес был еще тот, за него схлопотать можно было пятнашку с конфискацией имущества – максимальный срок, дальше присуждалась вышка, то есть расстрел. Возвращался Леха электричками, в них реже менты появлялись, но иногда появлялись и тогда он срочно шел курить, наблюдая из тамбура – подойдут к его рюкзаку или мимо пройдут. Если подходили, Леха топал в другой вагон, попрощавшись с рюкзаком навсегда. Правда, товар терял он редко, чаще привозил, деньги получал за него сразу – у Леньки были свои точки сбыта, где только и ждали икорки. Две-три штуки навару за ходку – каково? Такие бабки накануне смерти СССР мало кому снились, учитель со стажем получал полторы сотни в месяц, считая себя стабильно обеспеченным человеком.

Имея деньги, Леха Шатун завоевывал женские сердца без особого труда. Надо сказать, девушки были не падки на деньги; хотя встречались и алчные, но приличные девушки (те самые, из мечтаний) хотели любви. Кто же даст им больше любви, как не щедрый человек, а? Если цветы, то Леха дарил их охапками, если украшения, то золотые, если шмотку, то фирменную – от фарцовщика. И она в отпаде, потому что понимала: он ради нее мордой в грязь упадет. Неважно, что налицо помесь неизвестных пород, что парень не шибко образован и культурен, – дело наживное. Главное, не скупердяй, умеет любить, искренен, добр. А Шатун на гребне волны эпохальных побед вошел в азарт и менял девчонок, как носовые платки, наконец приобретя мужскую уверенность.

И вдруг она! Белокурая, тонкая (где положено), статная, умная и прекрасная, словно царевна из песни. Во всяком случае, строга и надменна оказалась, будто и впрямь царского роду-племени, когда заметила, что Шатун преследует ее по пятам.

– Я замужем, – вздернула до небес маленький носик Тата.

– Ну и что, – ухмыльнулся Ленчик. – Отобью.

Смерив его презрительным взглядом, Тата величественно проплыла мимо, играя ягодицами. Казалось, все люди обязаны уступить ей дорогу... нет, упасть ниц перед ней и непременно удариться лбом об асфальт. Но это раньше Ленчик немел от восторга и плелся за мечтой на ватных ногах, в двадцать пять он уже выработал шаблонный план действий, уверившись, что настойчивость и щедрость даже из врагов делают друзей. Если же ухищрения не действовали, Шатун расставался с мечтой и отправлялся в свободное плавание, но Тата была не тот случай.

Тату он решил взять измором и не просто в постель положить, а сделать женой – во как! Планы-то настроил ого-го какие, жене в них выделялось особое место, ему подходила Тата. Выяснил про нее все: где живет и работает, кто муж – право слово, красавец, тем более она стала желанной добычей. Ленька постоянно попадался ей на глаза, где б она ни появлялась, чему не мешал муж, который и врезать-то надоедале не посмел, потому что интеллигент вшивый.

В день ее рождения Шатун приехал прямо на работу, в качестве подарка привез ровно двадцать семь отборных роз (столько ей исполнялось). Если учесть, что из богатого ассортимента флоры круглый год купить можно было лишь гвоздики, которые продавали мужчины в кепках-аэродромах на городских улицах, розочки выходили, прямо скажем, золотыми. К букету прилагалось колечко с изумрудом и тремя брюликами – все, Тата пала на кровать, как падали неприступные крепости после длительной осады к ногам заклятых врагов. Потом был ее развод, женитьба, вскоре появилась дочь. Тата – само чудо, и чудо не желало мириться с простецкими русскими именами, но Анжелик уже было полно по городам и весям, посему дочь назвала она неординарно – Сабриной.

На этом идиллический отрезок резко оборвался. Он был коротким и оптимистичным, вселял уверенность, что дальнейшая жизнь потечет в ослепительно-ярком свете праздничных фейерверков. Но чем замечателен миг – так это сиюминутностью, которая всякий раз будет иной, чем предыдущая. Возможно, впереди ждут более яркие события и счастливые минуты, но «сегодня» и «сейчас» не поймашь, они ускользают в прошлое. Не исключена вероятность, что воспоминания о них останутся самыми теплыми и ностальгическими, а чаще случается наоборот – такова жизнь.

Ленчику следовало наслаждаться теми мгновениями, которые падали на него, ведь пройдет немного времени, и судьба начнет испытывать его на прочность, да как! А он, глупый, заботясь о семейном благополучии, строил планы и огромный дом, не замечая, что творится под боком. Дом достроил, планы, в общем-то, осуществил и даже с лихвой, только вот Ленчика настиг удар, откуда он не ждал...

– Папа!

Когда слышишь вопль недорезанного поросенка, к тому же охрипшего от визга, невольно обернешься. Обернулся, забираясь в джип, и Шатунов, увидел дочь, о которой позабыл, скороговоркой без пауз выпалил:

– Чего тебе спешу!

– Папа... – прошептала она испуганно. – Куда ты? С пистолетом... Зачем? Уже ночь на дворе...

Ответить – откуда на это время? Шатунов скрылся в машине, даже не кинув дочери ободряющего взгляда, мол, не беспокойся, со мной будет полный порядок. Трубку отец так и держал у уха, Сабрине удалось услышать приказ водителю:

– Звони всем, чтоб срочно ехали в Пухово. Ксюша...

И дверца захлопнулась одновременно с рывком автомобиля вперед.

Надув губы, Сабрина нервно нажимала на кнопки мобилы, глядя в хвост джипу. Мама ждала ее звонка, не прошло и нескольких секунд, как она выпалила:

– Да, я слушаю, Сабрина.

– Разговора по душам не получилось. Ему позвонила женщина, он сорвался, как полумный, и умчался к ней.

– Сорвался? Странно, по моим данным, у твоего отца никого нет... А что за баба?

– Понятия не имею. Зовут Ксения. Может, знаешь, кто она?

– Догадываюсь. Любовница.

– У отца есть любовница? Пф! Никогда бы не подумала.

– Не фырчи, твой отец имеет универсальное достоинство на все времена: деньги!

Сабрина с горечью усмехнулась: кто ж виноват, что когда-то мать проворонила универсала? Теперь Тате мечтается хеппи-энд по ее же сценарию, но мечтать никому не вредно. Только зачем же обременять других? Ведь это Сабрина поступилась гордостью и сносила унижения, хотя во всех нынешних их бедах виновата мама, ей бы и парламентарский флаг взять в руки. У Таты давно вошло в привычку перекладывать свои заботы на чужие плечи,

последнее время это напрягало Сабрину, мягко выражаясь, но в трубку дочь говорила сдержанно:

– Ма, она не просто любовница, которую покупают, она нечто значимое для него. У нее что-то случилось, и, как я поняла, серьезное, отец умолял ее спрятаться, забаррикадироваться...

– Ничего себе! – вставила Тата, правда, в ее интонации чувствовалось больше желчи, нежели удивления. – Поехал спасать телку от толпы поклонников?

– Видела б ты его! Он стал бледнее бумаги, покрылся испариной, началась одышка...

– Так это симптомы сердечной недостаточности.

Нет, все же трудно не съехать на базарную тональность, потому что Сабрину просто взбесила мамина глупость. Ну, не хочет женщина ничего понять, принять, изменить. В первую очередь ей надо было начать изменяться самой, но что вы, что вы – она ж умнее всех, значит, всегда права.

Вдохнув и задержав воздух, Сабрина посчитала до десяти, ведь срываться не в ее характере, это мамочка позволяет себе из аристократки вмиг переродиться в хабалку. Одновременно Сабрина поплелась к воротам, повесив сумочку на плечо и преодолевая усталость, навалившуюся с внезапностью упавшего с крыши кирпича. Непонятно, как у нее хватало сил отвечать матери:

– Это симптом, что у тебя ничего не выйдет, значит, и у меня. Если б она не позвонила, отец спустил бы меня с лестницы за идею соединить вас. Тебя он...

– Ненавидит?

– Не сказала бы. Ты для него пустое место, но меня из-за тебя он может возненавидеть. Там, куда он поехал, опасно. Отец взял пистолет, и если с ним что-то случится...

– Ничего с ним не случится, твой отец живуч и, на зависть, удачлив, иначе давно лежал бы в гробу с простреленным лбом. Кстати, если с ним что-либо... хм!.. Ты тоже станешь наследницей. Половина-то твоя...

Толстый намек! Осталось поблагодарить за подсказку и пообещать собственноручно пришить родного папу. Идя по дорожке, Сабрина намеренно отвлеклась на перемены в парковой зоне, чтоб не съязвить, мол, наследство выдают через полгода, до той поры мы с тобой не доживем, мамуля.

Мимоходом она обратила внимание, что у отца неплохой ландшафтный дизайнер, здесь даже ночью красиво. До ссоры пятилетней давности тощие деревца и наполовину засохшие кустики только сажали в землю, кто бы мог подумать, что они разрастутся в причудливые композиции, освещаемые матовыми фонарями. А у них дома сорняки и сорнячищи выше головы, заняться ими маме лень, Сабрине некогда...

– Скажи, его ублюдок дома? – отвлекла мать.

– Нет.

– Тогда тебе нечего там делать, возвращайся домой.

И то верно. Очутившись за воротами, Сабрина села в машину, закурила. Эх, если б оттянуть время назад... всего-то на пять лет! Но при условии, что память – а она важный компонент опыта – останется с ней. Сабрина избежала бы многих глупостей, которые сейчас не могла себе простить. Первейшая из них – бойкот. Вот зачем она пошла на принцип? Что доказала и кому? Разве что себе: она набитая, утрамбованная под завязку дура, которую неплохо бы выставить на обозрение где-нибудь на площади в назидание другим.

Сдав назад, Сабрина развернула машину, плавно тронув ее с места. Не доезжая до угла, в зеркало заднего вида она увидела, как к дому отца подъехал скутер – это вернулся домой братец Пашка.

– Гляди, какой послушный, – беззлобно буркнула она, давя на педаль газа. – Домой возвращается до двенадцати. Интересно, кто она – Ксения...

В прошлом Сабрина не признавала сводного брата, вела себя с ним как с приемышем, занимающим место не по праву, и это была та первая лопата, которая положила начало глубокому рву между нею и отцом. Но ведь папа неизвестно откуда притащил сынка, можно сказать, в подоле принес приплод! Ну, не в подоле, так в рубашке, в корзинке – разница небольшая, все равно нагулял. А всем заливал, будто усыновил младенца по доброте душевной. Поверить, что папа воспылал благородной любовью к чужому отпрыску, найденному чуть ли не в канаве, – это надо быть умственно отсталой.

Кстати, кстати! Он же так и преподносил: нашел на обочине дороги в корзинке с запиской, которую показывал любопытным: «Возьмите ребенка, люди добрые, он здоровый и красивый. Его непутевая мать». Зато папа Сабрины оказался путевым отцом: нянек нанял аж две штуки, кормилицу где-то раздобыл и закармливал ее калориями. Та жила в доме со своим младенцем несколько месяцев, в награду получила однушку и лишних пятьдесят килограммов веса.

Позже только дебилу было неясно, что Шатун является единокровным отцом «подкидыша». Правда, мамаша внесла львиную частицу себя, братец уродился краше родителя, а если совсем объективно – намного краше. Знакомые и друзья помалкивали. До сих пор ни одна живая душа не знает, кто матушка братца и где она шляется. А если какая-то душа и узнала случайно, то она наверняка уже неживая, потому что те, кто сует свой любознательный пятак в жизнь Шатуна, не успевают об этом пожалеть – так говорят люди.

Если б Сабрина пять лет назад повела себя чуточку терпимей, осмотрительней и умней, сейчас была бы в шоколаде, а так... только в халве, да и то не в арахисовой, в подсолнечной.